

5-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ на Кинджоу и въ Артурѣ.

19-го марта 1903 года штабъ 5-го В.-С. стрѣлк. полка, со 2-й, 3-й и 4-й ротами, прибылъ въ г. Цзиньджоу. Въ теченіе 3-хъ лѣтъ полкъ шелъ берегами Желтаго моря, охраняя отъ хунхузовъ желѣзнодорожные пути, восстанавливаемые нашимъ желѣзнодорожнымъ баталіономъ и 1-мъ В.-С. сапернымъ, которыхъ я командовалъ во время китайской войны.

Въ Цзиньджоу полкъ началъ устраиваться и перевозить свое имущество изъ Новокіевска. Устроивши людей, начали обширныя постройки для лошадей и обоза, который, не смотря на вынесенную кампанію, былъ въ отличномъ состояніи; двуколки были всѣ исправны и имѣли желѣзные задки, а лошади были мною куплены у нѣмцевъ въ Тяньзинѣ, когда они распродалаи свой великолѣпный конскій запасъ, за баснословно высокую цѣну привезенный изъ Австраліи и Америки; нельзя было достаточно налюбоваться на этихъ чудныхъ коней: рослыхъ, плотныхъ и всегда здоровыхъ, хотя и купленныхъ нами только по 80 р. за голову. Прежнихъ маленькихъ лошадокъ всѣхъ я отдалъ въ нашу конную охотничью команду, которая, вслѣдствіе какого-то недоразумѣнія, осталась безъ лошадей. И такъ, устраиваясь, мы прожили въ Цзиньджоу все лѣто 1903 года, самое боевое изъ всѣхъ, проведенныхъ нами въ Китаѣ; въ это лѣто хунхузы особенно давали себя знать; не говоря про то, что наша охотничья команда была всегда въ бояхъ съ этими раз-

бойниками, но приходилось даже посылать цѣлыя отряды, такъ какъ силъ полиціи и охотниковъ было слишкомъ недостаточно. Слухъ объ этомъ врядъ-ли доходилъ до высшаго начальства, такъ какъ участковые начальники избѣгали донесеній о хунхузахъ. Видя, что полиціи не справиться съ ними, я съ охотой самъ принималъ противъ нихъ всякія мѣры и когда мнѣ приходилось разговаривать съ начальниками участковъ о мѣрахъ противъ этихъ разбойниковъ, и я удивлялся, почему они не требуютъ содѣйствія войскъ, отвѣтъ былъ всегда одинъ и тотъ-же: «помилуйте г. полковникъ, начальство подумаетъ, что мы сами ничего не дѣлаемъ и, чего добраго. заподозрить въ трусости; уже были изъ-за этого непріятности, и завѣдующій гражданской частью совершенно отказался докладывать объ этомъ намѣстнику». А населеніе все поголовно было обложено данью, и хунхузы угрожали нашимъ воинскимъ постамамъ, не говоря уже о китайской полиціи. Въ концѣ концовъ пришлось хунхузамъ давать цѣлыя сраженія съ значительнымъ количествомъ убитыхъ и раненыхъ изъ 5-го полка и, кажется, изъ охотничьихъ частей и другихъ полковъ Квантунскаго полуострова; такъ сильно въ это лѣто зашевелились хунхузы. «Съ чего это они», говорили мы между собою; «да китайцы говорятъ», сообщали нѣкоторые, «что между ними появились японцы». — «А японцамъ-то что до нихъ за дѣло». Да, говорятъ, воевать съ нами будутъ. Изъ Шанхай Гуаня наши писали, что японскіе офицеры съ нашими только о политикѣ и говорятъ; вамъ, говорятъ, нужно взять подъ свое вліяніе Персію, а мы должны взять Корею, которой Японія добивается уже нѣсколько столѣтій подъ-рядъ.

Въ концѣ этого лѣта пришло предписаніе заготовить помѣщенія для всѣхъ ротъ нашего полка, кромѣ 6-й, которая стояла въ Бидзево, и въ августѣ эти роты уже прибыли въ Цзиньджоу; съ момента сосредоточенія полка, намъ стало ясно, что отношенія съ Японіей обострились, и нужно было ждать разрыва. Вскорѣ за симъ явились слухи о томъ, что къ нашимъ полкамъ идутъ 3-ьи баталіоны. Дальше узнали, что въ Артурѣ формируется 7 стрѣлковая дивизія. Офицеры заговорили о войнѣ; но, такъ какъ, по подсчету тѣхъ, кому надлежитъ это дѣлать, японцы располагаютъ арміей только около 300,000 чел., то всѣ мы были совершенно покойны; однако, когда намъ стало извѣстно, что дивизія генерала Кашталинскаго идетъ на Ялу, мы пріуныли. Съ двумя дивизіями оборонять совершенно открытый Артуръ очень трудно. До насъ доходили слухи о томъ, какъ французскіе офицеры удивлялись тому, что мы наканунѣ

войны, и совершенно не думаемъ о ней; мы, признаться, видя совершенное спокойствіе въ Артурѣ, дѣйствительно, сами позабыли думать, что живемъ наканунѣ тревожныхъ событій. И вотъ, въ тиши глубочайшаго мира, ночью 27 января, меня будятъ и вручаютъ телеграмму отъ генерала Глинскаго; протираю глаза, читаю: Японскій флотъ въ 50 миляхъ отъ нашихъ береговъ, направляется къ намъ, будьте осторожны. «Ну,» думаю себѣ, «намъ нечего опасаться; этотъ флотъ будетъ разбитъ нашимъ». Не знаю почему, но мы всегда вѣрили въ непобѣдимость нашего флота; въ особенности тѣхъ поръ, какъ узнали, что морское министерство отказалось купить у Аргентины два великолѣпныхъ бронированныхъ крейсера «Ниссинъ» и «Касугу», говоря, что у насъ и безъ того достаточно кораблей. (Можетъ быть это и неправда, но я рассказываю вамъ о томъ, что и какъ у насъ было въ то время).

Приказавъ позвать ко мнѣ командира первой охотничьей команды, чтобы послать его въ бухту Керъ и на полуостровъ Догушанъ, для наблюденія за берегами, я опять прилежъ и вздремнулъ, какъ слышу, меня опять будятъ; опять телеграма, также отъ ген. Глинскаго; въ ней было только три слова: «Война объявлена. Глинскій», и эта телеграма меня не особенно обезпokoила; пусть, думаю, они прежде уничтожатъ нашъ флотъ, а тогда и высаживаются въ южной Корей. Команду все-таки я послалъ и, для быстроты сообщенія, придалъ къ ней 10 конныхъ охотниковъ. Рано утромъ поѣхалъ, на всякій случай, осмотрѣть Киньчжоускую позицію. Какъ и слѣдовало ожидать, всѣ траншеи и батареи оказались въ разрушенномъ видѣ, и зимой, когда земля была тверда, какъ камень, возстановить укрѣпленія было очень трудно. Возвращаясь съ позиціи, встрѣтилъ офицера изъ Артура, который сообщилъ мнѣ, что три наши броненосца внезапно были взорваны японскими миноносками.

Сильное впечатлѣніе произвела на меня эта новость; высадка дѣлалась возможной не только въ южной Корей, но даже и у насъ въ тылу; необходимо было снѣшить съ укрѣпленіемъ позиціи; но средствъ у меня для этого не было никакихъ, почему я былъ принужденъ приказать собрать весь имѣющійся въ городѣ инструментъ, что, при помощи начальника участка шт.-капитана Пригоровскаго, очень дѣятельнаго и исправнаго офицера, и удалось сдѣлать весьма быстро; назначилъ рабочихъ изъ полка и началъ работы съ возстановленія переднихъ окоповъ; но мерзлая земля съ трудомъ поддавалась киркамъ, а лопаты могли только выбрасывать куски, отбиваемые кирками.

3-го февраля къ намъ прибыли новобранцы и первые запасные; и тѣхъ, и другихъ нужно было обучать. Согласно нашего плана мобилизаціи, всѣ роты полка, кромѣ 1-й, должны были быть собраны къ штабу; распоряженіе объ этомъ было сдѣлано; 5-я и 6-я роты не медля прибыли къ полку, 6-я при этомъ имѣла дѣло съ хунхузами; въ городѣ стало такъ тѣсно, что я большую половину ротъ перевелъ въ казармы за позицію; съ этого же времени я сталъ перевозить полковое имущество въ Артуръ, гдѣ нанялъ для него частный домъ, такъ какъ въ казенномъ помѣщеніи намъ было отказано. Для наблюденія за побережьемъ были посланы конные охотники въ распоряженіе начальника Гандзялинскаго участка капитана Павловскаго; къ нему же для охраны былъ посланъ взводъ стрѣлковъ съ прапорщикомъ запаса Шишкинымъ, такъ какъ Павловскій жаловался, что хунхузы стали настолько дерзки, что угрожаютъ его резиденціи. Бухту Керъ и ближайшія къ намъ бухты мы наблюдали сами, при помощи постовъ и конныхъ охотниковъ. Гоняться за хунхузами бросили; но за то въ полку поднялась такая страда, которой за всю мою долгую службу я не видывалъ. Укрѣпляли позиціи, перевозили имущество, обучали новобранцевъ и запасныхъ, которыхъ собралось больше половины полка, и, наконецъ, наблюдали за непріателемъ, что отнимало у насъ больше 200 человекъ въ день. Все это дѣлало положеніе полка очень труднымъ; къ этому нужно прибавить, что непріатель свободно могъ высадиться между Киньчжоу и Портъ-Артуромъ и отрѣзать полкъ отъ крѣпости; поэтому я считалъ положеніе полка не только труднымъ, но и опаснымъ. 20-го марта пришелъ къ полку его 3-й баталіонъ; и люди, и офицеры пошли по собственной охотѣ; надежное войско; я помѣстилъ ихъ въ городѣ, а старыя роты вывелъ въ деревни, расположенныя впереди позиціи. На помощь полку пріѣхалъ инженеръ капитанъ Шварцъ, съ полномочіями по укрѣпленію позиціи и съ деньгами для найма рабочихъ; съ этихъ поръ мы начали строевыя занятія, состоящія въ маневрированіяхъ на позиціи. Непріатель давалъ намъ время, и мы имъ должны были воспользоваться.

Теперь у мѣста сказать нѣсколько словъ о всѣмъ извѣстной Цзиньджоуской позиціи. Въ 60-ти верстахъ отъ Портъ-Артура на перешейкѣ, отдѣляющемъ южную часть Квантуна отъ остальнаго его пространства, занимая половину ширины этого перешейка, лежитъ возвышенность, раздѣленная и вдоль, и поперекъ нѣсколькими глубокими оврагами. Это и есть мѣсто Цзиньджоуской позиціи.

Въ прошлую китайскую кампанію, когда явилась опасность движенія китайскихъ войскъ съ сѣвера на Артуръ, позиція эта была обращена въ грандіозную крѣпостную батарею полковникомъ, нынѣ генераломъ Холодовскимъ. Когда В.-С. саперный баталіонъ, которымъ я тогда командовалъ, пришелъ на эту позицію, для ея усовершенствованія, онъ нашелъ всѣ высокія мѣста занятыми батареями, вооруженными и вооружаемыми орудіями солидныхъ калибровъ; а мы занялись устройствомъ окоповъ для пѣхоты, часть которыхъ на правомъ флангѣ была уже сдѣлана; нами были поставлены: два редута впереди батарей на выдающихся впередъ частяхъ позиціи и одинъ центральный, поставленный тамъ, гдѣ была впослѣдствіи батарея № 13-й; всѣ эти укрѣпленія, почти въ совершенно разрушенномъ состояніи, мы и получили теперь въ наслѣдство. Я былъ назначенъ комендантомъ позиціи и, вмѣстѣ съ инженеромъ Шварцомъ, принялся за ея укрѣпленіе. Мнѣ было объявлено, что 5-й полкъ будетъ защищать позицію противъ японцевъ; задача эта была для одного полка не по силамъ; я сдѣлалъ точный расчетъ необходимаго количества защитниковъ, изъ котораго явствовало, что менѣе трехъ полковъ, для болѣе ими менѣе успѣшной обороны этой позиціи, на нее поставить было нельзя (Ширина перешейка 3 версты и по двѣ версты мелей съ обоихъ фланговъ, а во время отлива эти мели увеличивались до 8 верстъ). Передъ позиціей, въ 2-хъ верстахъ отъ нея, былъ расположенъ городъ Цзиньджоу, обнесенный старою китайскою стѣною въ $3\frac{1}{2}$ версты длиною, совершенно неразрушимой огнемъ полевой артилеріи. Штурмовать эти стѣны подъ артилерійскимъ огнемъ съ позиціи было очень трудно; и такъ какъ эта стѣна давала широкое укрытіе отъ ружейнаго и артилерійскаго огня непріятеля, то рѣшено было занять городъ, какъ передовой пунктъ; онъ дѣйствительно хорошо закрывалъ фронтъ позиціи, и, не взявши его, атаковать высоты было трудно; но, съ его занятіемъ, задача полку еще болѣе затруднялась, такъ какъ оборонять городъ, меньше чѣмъ двумя ротами было весьма трудно, и поэтому для позиціи оставалось только 9 ротъ; оборонять же было приказано до послѣдней капли крови. Когда я докладывалъ генералу Фоку о трудности обороны позиціи однимъ неполнымъ полкомъ, онъ мнѣ возразилъ: «А знаете, я на вашемъ мѣстѣ сказалъ бы начальству такъ: оставьте мнѣ только двѣ роты, я съ ними сумѣю умереть лучше, чѣмъ съ полкомъ». Изъ этого я вывелъ заключеніе, что тутъ дѣло не въ успѣхѣ обороны, а въ чемъ-то другомъ, чего я понять тогда еще не могъ.

Дѣйствительно, успѣшно оборонять эту позицію было нельзя; у непріятеля—флотъ, могущій подойти и къ обоимъ флангамъ, и къ тылу позиціи; у него громадное превосходство силъ, и у него же широкія артилерійскія позиціи, охватывающія кольцомъ тѣсную кучку нашихъ батарей на Цзиньджоускихъ высотахъ; а отсутствіе достаточнаго количества блиндажей и укрытій для резервовъ довершало затруднительное положеніе защитниковъ. На позиціи были устроены хлѣбопекарныя печи и вырыты колодцы, и такъ какъ возможность высадки въ тылу сознавалась, то было приказано укрѣпить и тылъ позиціи, такъ же какъ и фронтъ; значить, на позицію нужно было смотрѣть, какъ на крѣпость.

Еще въ мирное время я указывалъ на позицію, лежащую непосредственно за Цзиньджоуской къ югу, какъ на несравненно лучшую; на ней мы встрѣчали непріятеля, дебуширующаго черезъ узкій перешеекъ, широкимъ фронтомъ и многочисленною хорошо поставленною артилерією. Кромѣ того, фланги этой позиціи были укрыты отъ дѣйствія непріятельскаго флота, но идея генерала Холодовскаго восторжествовала, можетъ быть, потому, что для ея осуществленія было уже почти все сдѣлано (навѣрное, думали такъ, не зная, что поправлять укрѣпленія и насыпать новыя было одно и то же). Наконецъ, про Цзиньджоускую позицію такъ прокричали, сдѣлали ее такою популярною, что для многихъ она по одному этому была несокрушима. Видъ и обстрѣлъ съ нея былъ дѣйствительно прекрасный. Я принялъ всѣ зависящія отъ меня мѣры къ тому, чтобы не дать закрасться въ души защитниковъ сомнѣнію въ успѣхѣ обороны позиціи и достигъ своей цѣли.

Неустанно продолжая укрѣплять позицію, 5-й полкъ, своими конными и пѣшими охотниками и отчасти строевыми ротами, наблюдалъ берега морей верстъ на 30 къ сѣверу. Получая каждоедневныя приказанія по телеграфу о томъ, чтобы все время быть насторожѣ и не прозѣвать высадку, я употреблялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы не дать себя застать врасплохъ; большую половину конной команды отправилъ въ Бибзево, самый вѣроятный пунктъ высадки; туда же была отправлена и вся конная охотничья команда 14-го полка, для наблюденія за берегомъ; въ Годзялинѣ былъ отправленъ взводъ съ офицеромъ и 10 конныхъ охотниковъ, для наблюденія на мысъ Терминаль (Конечный). Въ бухтѣ Керъ и Діепъ стоялъ поручикъ Васильевъ съ 1-й пѣшей охотничьей командой и

10-ю конными охотниками; въ заливѣ Суливанъ на одномъ выдающемся въ море мысу стояла застава изъ 25 стрѣлковъ и 6 конныхъ охотниковъ; берегъ Циньджоусскаго залива охранялся частями, занимавшими городъ, и отъ самаго Годзялина и до позиціи мною была поставлена летучая почта изъ 2-й половины конныхъ охотниковъ, которыхъ, для необходимой ординарческой службы, у себя я оставилъ только 10 человекъ.

Къ этому времени полкъ былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ: въ городѣ 10-я рота съ капитаномъ Гусовымъ, 3-я охотничья команда съ штабсъ-капитаномъ Кудрявцевымъ и сборная команда въ 60 человекъ, подъ командой помощника начальника участка—храбреца, заявившаго себя еще въ войнѣ съ хунхузами, поручика Голенко. 3-я рота заняла деревню Ліудягенъ передъ самой позиціей, 2-я рота въ деревнѣ Мадятунъ передъ правымъ флангомъ, 6-я рота въ дер. Сядатенъ за лѣвымъ флангомъ; а остальные въ казармахъ за центромъ позиціи. Капитанъ Шварцъ съ десятиками жилъ въ легкихъ постройкахъ, поставленныхъ въ центрѣ позиціи. Все полковое имущество, а также и офицерскія вещи были отправлены на позицію и въ Артуръ. Комендантомъ города былъ мною назначенъ капитанъ Еремѣевъ, лично мнѣ извѣстный, мой товарищъ по академіи и инженерному училищу; онъ добровольно поступилъ въ полкъ изъ запаса. Съ момента такого размѣщенія полка работа на позиціи закипѣла лихорадочнымъ образомъ; каждодневно на ней работали тысячи китайцевъ и солдатъ; возили матеріалъ, устраивали искусственныя препятствія, рыли колодцы, занимались стрѣльбой и маневрами, и все это дѣлалось, ожидая съ минуты на минуту высадки непріятеля и спереди, и сзади; въ виду возможности этого послѣдняго обстоятельства, позицію начали усиленно укрѣплять и съ тыла, а такъ какъ полку приходилось бы выдерживать осаду, то немедленно же было приступлено къ устройству блиндажей, для съѣстныхъ и огнестрѣльныхъ запасовъ; но средства на укрѣпленіе позиціи были ограничены; болѣе 60 тысячъ на это тратить было нельзя, а потому блиндажей было сдѣлано только два, не особенно значительной длины и ширины, колодцевъ начали дѣлать четыре, но безъ особенной надежды на воду. Холодная погода значительно затрудняла работы. Почва была мерзлая, инструментъ ломался, и его было очень ограниченное количество. Роты, занимавшія городъ, также усиленно работали надъ его укрѣпленіемъ; тамъ было предположено усилить имѣющіеся канониры, углы городской стѣны и середины ея сто-

ронъ; для укрытія людей резервовъ, въ капонирахъ были предположены наклонные блиндажи отъ осколковъ.

Непріятель чего-то ждалъ, а мы съ каждымъ днемъ становились покойнѣе; на позиціи въ одномъ изъ бараконъ устроили собрание, обставили его насколько возможно хорошо, поставили граммофонъ и часы обѣда и ужина проводили весело и разнообразно; посѣтителей на позиціи было всегда много, и мы имъ были очень рады, такъ какъ черезъ нихъ намъ дѣлалось извѣстнымъ то, что происходитъ во внѣшнемъ мірѣ; нельзя сказать, конечно, что свѣдѣнія были точныя, хотя они обыкновенно исходили изъ самого штаба. Большинство рассказчиковъ приходило къ заключенію, что дѣло до насъ никогда не дойдетъ, и все ограничится сраженіями на морѣ и занятіемъ японцами южной Кореи, такъ какъ войска у нихъ только съ трудомъ наберется около 300 тысячъ, а когда починятся наши подбитые броненосцы, мы разобьемъ ихъ флотъ, и японцамъ будетъ капуть; а что нашъ флотъ разобьетъ японскій,—въ этомъ никто не сомнѣвался, такъ какъ командиры судовъ у насъ болѣе свѣдуши, чѣмъ японскіе, стрѣляютъ наши моряки несравненно лучше, чѣмъ японскіе, и, наконецъ, броня у нашихъ броненосцевъ значительно крѣпче, такъ какъ закалялась въ маслѣ. Все это сообщали наши спеціалисты по морской части. Что у японцевъ было пять гигантскихъ броненосцевъ, а у насъ «почти такихъ же» только два, на это не обращалось никакого вниманія, а миноносцы, которыхъ у японцевъ была сотня, яко бы уже доказали свою несостоятельность; когда и къ этому было доказано, рассказчики не сообщали, но всегда сильно напирала на испытанную храбрость нашихъ матросовъ. «Вы не смотрите, что на берегу нельзя увидѣть не пьянаго матроса и что постороннему офицеру на берегу нельзя сдѣлать замѣчаніе ему, безъ грубаго отвѣта съ его стороны, это все пустяки, а за то на судахъ у нихъ желѣзная дисциплина». Когда кто-либо заявлялъ, что японскій флотъ значительно сильнѣе нашего, рассказчикъ обыкновенно съ азартомъ возражалъ, въ особенности, если онъ былъ морякъ. «Много вы знаете. А почему наши отказались отъ покупки у Аргентины «Нисина» и «Касуги». Потому, что мы и безъ того сильны. Какъ же иначе можно отказаться отъ этой покупки...» И публика, оставшись довольной доводами рассказчика, весело переходила къ смѣху и анекдотамъ. Я всегда сидѣлъ въ головѣ стола, съ наслажденіемъ слушалъ эти веселые рассказы и смотрѣлъ на эти веселыя и симпатичныя для меня лица; многіе изъ нихъ не предчувствовали тогда свою роковую судьбу.

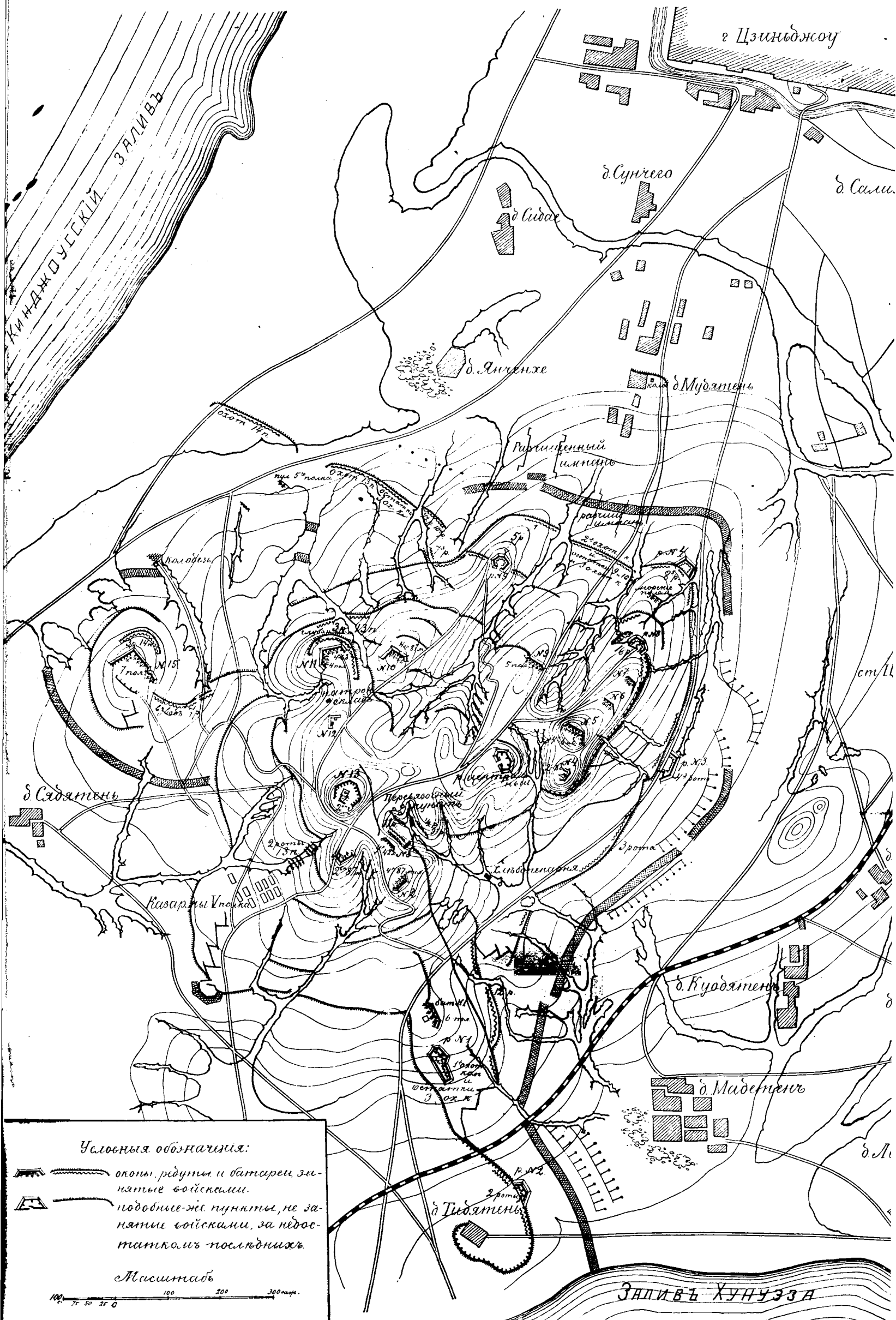

Укрѣпляясь на позиціи, мы понутно дѣлали опыты стрѣльбы изъ винтовокъ по амбразурамъ и по открытымъ головамъ; всегда выходило, что, на дистанціи въ 200 шаговъ, поражений было значительно больше въ амбразуры и на дальнѣйшія дистанціи было больше въ открытыя головы; а такъ какъ мы опасались, что шрапнельный огонь противника для насъ будетъ очень опасенъ, то сдѣлали опыты и съ этимъ огнемъ, и вышло, что двадцать выстрѣловъ, на дистанцію въ версту, вывели изъ строя половину защитниковъ окопа, когда эти послѣдніе стояли открыто на банкетѣ, безъ всякихъ прикрытій. Поэтому рѣшено было вездѣ сдѣлать амбразуры и прикрыть людей сверху досчатыми козырьками, что по настоянію генерала Фока и было выполнено въ ближайшіе дни.

На позицію весьма часто пріѣзжало начальство. Генераль Кондратенко у насъ былъ раньше начала нашихъ работъ и стоялъ за то, чтобы городъ занять по возможности крѣпко. Комендантъ, генераль Смирновъ, былъ въ концѣ работъ по укрѣпленію позиціи, подробно осмотрѣлъ ея и приказалъ озаботиться обезпеченіемъ тыла большимъ редутомъ. Генералы Фокъ и Надѣинъ бывали часто тогда жили по нѣсколько дней. Генераль Фокъ много разъ бѣговалъ съ офицерами, высказывая свои взгляды на способы обороны позиціи и впереди лежащей мѣстности. Онъ думалъ встрѣтить непріятеля впереди позиціи, у деревень, лежащихъ сѣвернѣе горы Самсонъ, и мы съ нимъ часто выѣзжали на рекогносцировки этой мѣстности и изучили ее въ совершенствѣ. Генераль Фокъ настаивалъ на укрѣпленіи ея, но у насъ для этого совершенно не было никакихъ средствъ; полки своей дивизіи генераль, кажется, не назначалъ ни на какія работы. Работалъ только 5-й полкъ, и чѣмъ ближе подходило время встрѣчи съ непріателемъ, тѣмъ саперныя работы его становились совершеннѣе и обширнѣе. Судя по тому, что я слышалъ отъ начальства, Киньджоусскую позицію упорно защищать не хотѣли; денегъ на ея укрѣпленіе не отпускали и артилеріи не присылали; но чѣмъ болѣе приближалось время столкновенія съ непріателемъ, для меня становилось все яснѣе, что позиція будетъ защищаться упорно. Изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ фразъ генерала Фока, какъ будто-бы выходило, что позицію защищать упорно не слѣдуетъ; такъ одинъ разъ генераль сказалъ мнѣ: «а знаете, что защищать эту позицію нужно меньше геройства, чѣмъ отступить съ нея; измѣнникомъ назовутъ генерала Фока и тѣ, кто не понимаетъ настоящаго положенія вещей». Дѣйствительно нельзя было не опасаться высадки японцевъ въ тылу пози-

ціи, одновременно съ высадкой у Бидзево; это было настолько возможно, что позицію было приказано укрѣпить и съ тыла. Положеніе полка было тяжелое, а мое еще тяжелѣе, такъ какъ я не могъ согласиться съ многими требованіями генерала Фока по части укрѣпленія позиціи и способовъ ея обороны.

Придавая большое значеніе настильности полета пули, генераль Фокъ, потребовалъ, чтобы оборона была спущена на самой подошвѣ Киньджоусскихъ высотъ. Не допуская никакихъ исключеній, не принимая во вниманіе, что отлогости высотъ были длинны и пологи и служили страшными препятствіями атакующему, и упуская изъ виду, что, сводя окопы на самый низъ и дѣлая такимъ образомъ всякую неровность поверхности мѣстомъ укрытія отъ огня для цѣлыхъ ротъ, и до крайности тѣмъ облегчая атаку, онъ стоялъ на своемъ и заставлялъ насъ растянуть свои линіи на цѣлыхъ 8 верстъ. Наши выстрѣлы окопы онъ называлъ ласточкиными гнѣздами и при этомъ всегда прибавлялъ: «а вы, конечно, рады засадить наши окопы подъ самое небо». Я немедленно, конечно, не выходя изъ пределовъ военнаго приличія, возражалъ, что генераль совершенно небрегаетъ высотами, какъ естественнымъ и труднопреодолимымъ препятствіемъ, что внизу всякая неровность мѣстности, а значитъ неровностей было много, закроетъ непріятеля отъ нашихъ выстрѣловъ и пресловутая настильность не будетъ имѣть никакого значенія, что для обороны у насъ есть только одинъ полкъ и укрѣпленія нужно располагать, принимая во вниманіе это единственное обстоятельство. Генераль Фокъ тутъ уже не выдерживая и съ энергіей заявлялъ, что только измѣнники подставляютъ своихъ людей подъ артилерію противника и что людей нужно разставлять въ окопахъ на двадцать, и самое меньшее на 10 шаговъ другъ отъ друга, и тогда мѣста имъ въ ласточкиныхъ гнѣздахъ не будетъ. На мое возраженіе, что если мы нашихъ не обстрѣлянныхъ еще солдатъ, большая половина которыхъ были новобранцы и запасные, разбросаемъ на двадцать шаговъ другъ отъ друга, то каждый изъ нихъ будетъ чувствовать себя одинокомъ, брошеннымъ передъ наступающимъ безъ всякой поддержки, и даже можетъ оказаться, что въ трудную минуту онъ будетъ вѣрнымъ и самостоятельнымъ вліяніемъ начальника. При этомъ я не упускалъ случая заявлять, что въ полку одиннадцать ротъ и, растянувши ихъ на 8 верстъ, я получу линію обороны слабую, подверженную легкой атаке.

прорыву, а если оставлю хоть роту въ резервѣ, что рѣшительно необходимо, то у меня окажутся большіе участки совершенно не занятыми; возможна-ли при такихъ обстоятельствахъ упорная оборона? Я понималъ, конечно, что, разбрасывая стрѣлковъ, генераль Фокъ хотѣлъ уменьшить ихъ убыль отъ пуль и шрапнельнаго огня непріятеля; это было, конечно, важно и вполнѣ возможно въ началѣ боя. Имѣя хоть какіе-нибудь резервы, которыми я могъ бы усилить угрожаемые пункты, я ничего бы не имѣлъ и противъ 20 шаговъ дистанціи на человѣка. Но резервовъ для 5-го полка назначено не было, хотя генераль Надѣинъ и говорилъ мнѣ, что меня поддержать, и около Тафошина будетъ поставленъ 15-ый полкъ, но когда я спросилъ его; «Такъ значить въ нужную минуту я могу имъ распорядиться»? то генераль возразилъ: «что-же это вы, батенька, хотите командовать всей дивизіей». И такъ, планъ нашихъ дѣйствій подъ Цзиньджоу такъ и не былъ для меня выясненъ. Одно мнѣ было извѣстно, и то отъ генерала Кондратенко, что полкъ долженъ былъ стоять на позиціи до послѣдней капли крови, къ чему я и подготавливалъ солдатъ и офицеровъ. Мы начали строить кухни въ самыхъ траншеяхъ; свезли провіантъ на самую позицію въ блиндированныя помѣщенія и, въ укрытыхъ отъ взоровъ противника мѣстахъ, расчистили площадки для биваковъ, а въ самыхъ траншеяхъ и укрѣпленіяхъ устроили жилища для людей.

Непріятель не показывался, погода была отличная, и мы мирно продолжали свои работы, главное вниманіе въ которыхъ обращалось на укрытія отъ шрапнельнаго огня и на искусственныя препятствія. Съ начала февраля непріятельскія суда стали особенно часто появляться у бухтъ Діенъ и Керъ; къ счастью въ это время мы уже провели туда телефонъ и соединили его съ морскимъ наблюдательнымъ пунктомъ, гдѣ за старшаго былъ отважный и предпріимчивый прапорщикъ флота Дейчманъ. Было даже нѣсколько случаевъ обстрѣливанія берега съ японскихъ судовъ и попытки высадить на берегъ небольшой шлюпочный десантъ; но наши охотники высаживаться на берегъ не давали. Ввиду этого обстоятельства, охотничья команда поручика Крагельскаго была усилена конными охотниками съ поручикомъ Сѣчко, и 7-го числа февраля мѣсяца въ бухту Керъ отправлена 7-я рота съ капитаномъ Стемпневскимъ II. Туда же были направлены охотники 14-го полка, у которыхъ, тотчасъ по приходѣ, 6-дюйм. бомбою былъ убитъ командиръ и вольноопредѣляющійся. Съ 7-й ротой также были посланы двѣ

наши горныя пушки подъ командою поручика Наумова. Этотъ взводъ былъ сформированъ при 5-мъ полку; лошади были взяты изъ обоза, орудія мы привезли съ собой изъ китайскаго похода, ѣздовые были наши стрѣлки, а офицеръ и артилерійская прислуга были присланы изъ Артура.

Генераль Надѣинъ пожелалъ лично ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ бухтахъ, и 10-го числа февраля я съ нимъ туда поѣхалъ. Еще издали были видны три большихъ непріятельскихъ корабля съ пятью миноносками. Приѣхавши, застали нашу 7-ю роту и двѣ нашихъ пушки на позиціи. Отрядъ этотъ расположился такъ, чтобы обстрѣливать входъ въ бухту Керъ и препятствовать наступленію непріятеля, если бы онъ высадился на оконечности полуострова Догушанъ, гдѣ у насъ были слабыя передовыя части. До оврага, гдѣ укрывалась рота, долетали непріятельскіе снаряды, и я видѣлъ нѣсколько воронокъ именно у того мѣста, гдѣ находился командиръ роты съ резервомъ. Японцы стрѣляли даже въ отдѣльныхъ людей, показывавшихся на открытыхъ мѣстахъ.

Намъ рассказали, что наша артилерія (двѣ маленькія пушечки 32-миллиметровыя), взводъ подъ командой поручика Наумова, на нашихъ полковыхъ лошадяхъ, очень удачно стрѣляли по непріятельскимъ миноносцамъ, которые поэтому удалились отъ бухты. Генераль Надѣинъ пришелъ къ заключенію, что непріятель намѣревается сдѣлать высадку въ бухтѣ и отдалъ мнѣ приказаніе на этотъ случай. Отъ бухты до позиціи мы считали 12 верстъ, а до оконечности полуострова Догушанъ 24 версты. Въ случаѣ высадки, я съ батальономъ долженъ былъ поддержать нашу 7-ю роту и охотниковъ. Но если бы непріятель захотѣлъ сдѣлать высадку значительными силами, то даже и весь 5-й полкъ не былъ-бы въ состояніи помѣшать ему въ этомъ. Препятствовать высадкѣ—дѣло весьма трудное вообще, а здѣсь для обороняющагося большой минусъ составлялъ сильно изрѣзанный берегъ. Бухты глубоко врѣзывались въ берега, и горы сильно препятствовали сообщеніямъ. Притянувши обороняющагося къ извѣстному пункту берега небольшимъ шлюпочнымъ десантомъ или же угрожая большой высадкой, наступающій черезъ четверть часа могъ очутиться у другого пункта берега, гдѣ могъ бы высадиться безъ всякаго препятствія со стороны обороняющаго берегъ полка; поэтому мы не надѣялись не допустить высадки, но думали, что оборона позицій сильно замедлитъ движеніе непріятеля къ Артуру. Больше-же всего я боялся высадки японцевъ за Дальнимъ, въ удобной къ тому бухтѣ.

Эта высадка разрѣзала-бы силы обороны и избавляла непрітеля отъ атаки Цзиньджоуской позиціи. Подъ покровительствомъ страшныхъ орудій боевого флота высадка возможна вездѣ, гдѣ глубина позволяетъ большимъ кораблямъ подходить къ берегу на хорошій артилерійскій выстрѣлъ.

Осмотрѣвши бухту и отрядъ, мы, провожаемые выстрѣлами изъ крупныхъ морскихъ орудій, благополучно возвратились на позицію. На слѣдующій день 7-я рота съ охотниками отбила небольшой шлюпочный десантъ, за что велѣно было офицеровъ представить къ первымъ боевымъ наградамъ, которыхъ, впрочемъ, они не получили; прапорщикъ флота Дейчманъ взорвалъ непріятельское судно; ѣздилъ самъ въ бухту Керъ и видѣлъ двѣ торчащія изъ воды мачты и нашъ отрядъ въ бухтѣ Ликустъ.

Къ этому времени, т. е. къ 11-го февраля, Цзиньджоуская позиція была уже вооружена артилеріей, и мы съ легкимъ сердцемъ ждали непріателя, думая, что наша артилерія, уже пристрѣлявшаяся къ мѣстности и имѣющая въ числѣ своихъ орудій дальнобойныя 56-миллиметровыя и 6-дюймовыя короткія орудія, должна имѣть перевѣсъ надъ полевыми орудіями непріателя. Когда заходилъ разговоръ о томъ, что одному полку не подъ силу защищать всю позицію, начальство успокаивало меня увѣреніями, что непріатель не сразу будетъ атаковать позицію со всѣхъ сторонъ, а избереетъ какой-нибудь одинъ пунктъ атаки; я уже не требовалъ объясненія, почему это непременно должно было быть такъ. Около 20-го числа марта на позицію прибылъ генераль Смирновъ, и мы съ нимъ, подъ страшнымъ дождемъ, объѣхали всю позицію; генерала удивило то обстоятельство, что позиція была укрѣплена и съ юга. Я объяснилъ ему, что мы ждемъ нападенія и съ тыла, такъ какъ непріатель можетъ высадиться за Дальнимъ. Указавъ мнѣ, что за позиціей нужно поставить большой редутъ для обезпеченія отступленія, генераль уѣхалъ въ Дальній.

Ночью 21-го апрѣля изъ Гандзялина, отъ капитана Павловскаго, прискакалъ нашъ охотникъ съ донесеніемъ, что сѣвернѣе мыса Конечнаго (Терминаль) подошла японская эскадра и высаживаетъ войска. Утромъ 22-го апрѣля получено отъ пограничниковъ свѣдѣніе, что японская эскадра изъ 39 транспортовъ, прикрываемая 3-мя большими судами, на одномъ изъ которыхъ адмиральскій флагъ, высаживаетъ войска у мыса Сангуанмяо въ устьѣ рѣки Чансухе и въ сосѣдней къ сѣверу бухтѣ; высажено около одного батальона. Не медля было донесено о событіи начальству. Полкъ

занялъ боевую позицію и не покидалъ ее уже ни днемъ, ни ночью. Тогда-же отъ капитана Павловскаго получилъ донесеніе, что онъ закрываетъ свои дѣйствія, какъ начальникъ округа, и Гандзялинъ сдаетъ китайцамъ.

Послѣ этого шт.-кап. Андреевскому приказано неотступно слѣдить за дѣйствіями непріятеля, и съ этихъ поръ наша конная команда все время, до самой сдачи Артура, была передъ японцами. Высаживался большой отрядъ съ кавалеріей и пушками. Вскорѣ получилась телеграма о высадкѣ и у Бидзево.

22-го апрѣля ночью прибыли три раненыхъ конныхъ охотника, два 14-го полка и одинъ нашъ. Непріятель выслалъ свою кавалерію на рослыхъ хорошихъ лошадяхъ съ восточнаго берега на западный къ желѣзной дорогѣ. Говорили, что изъ арміи генерала Куропаткина, для встрѣчи непріятеля, къ станціи Саншилипу спустился батальонъ, къ которому присоединилась конная охотничья команда 15-го полка, которую мы больше и не видали.

Генералъ Фокъ задумалъ произвести усиленную рекогносцировку всѣми своими силами, такъ какъ количество высадившихся никѣмъ еще не было опредѣлено точно. Непріятельская кавалерія, въ количествѣ весьма для насъ значительномъ, поддержанная небольшими пѣхотными частями и хунхузами, совершенно загородила отъ насъ и мѣсто высадки, и первоначальныя дѣйствія непріятеля. Намъ было донесено, что онъ двинулся къ Саншилипу и что мѣсто высадки усиленно укрѣпляется.

Подъ вечеръ 26-го апрѣля всѣ полки дивизіи, кажется кромѣ 15-го, который былъ въ распоряженіи генерала Стесселя у Артура, и я со своими двумя баталіонами, двинулись по дорогѣ на Гандзялинъ (къ мѣсту высадки) и должны были ночевать въ назначенныхъ для сего пунктахъ по этой дорогѣ. Придя на ночлеги, полки получили дальнѣйшія распоряженія о ночномъ движеніи, цѣлью котораго, видимо, было окруженіе пространства къ юго-востоку отъ станціи Саншилипу (вся эта операція въ приказѣ названа маневромъ). Непріятель былъ гдѣ то въ пространствѣ между Гандзялиномъ и Саншилипу; силы его извѣстны не были. Съ приходомъ полковъ на указанныя мѣста, охотники наши подошли къ намъ вплотную, не сообщивши ничего достовѣрнаго о непріятелѣ, и я въ правѣ былъ ожидать его каждую данную минуту. 5-му полку, какъ, вѣроятно, и всѣмъ другимъ, было назначено: въ часъ ночи двинуться съ бивака и къ разсвѣту быть у высоты № (такой-то). Я былъ поставленъ въ страшное затрудненіе; карты наши всѣ были

съ перевранными названіями деревень, рельефъ мѣстности былъ еле обозначенъ и не давалъ никакого представленія о дѣйствительныхъ высотахъ; какъ найти ночью на незнакомой мѣстности высоту № такой то, удаленную отъ насъ на добрый десятокъ верстъ, я рѣшительно не постигалъ. При этомъ нужно замѣтить, что проводниковъ съ нами не было; ихъ нельзя было достать ни за какія деньги. Съ этими своими сомнѣніями я и отправился къ генералу Фоку; штабъ собирался уже спать; утомленіе и вѣроятность предстоящаго боя дѣлали всѣхъ страшно раздраженными. Но къ чести штаба долженъ сказать, что трудность ночного марша при вышеуказанныхъ условіяхъ была признана и немедленно было послано приказаніе, откладывающее время выступленія на 3 часа ночи, когда надѣялись, что начнется разсвѣтъ и забыли о томъ, что въ южныхъ широтахъ разсвѣтъ наступаетъ быстро, и до появленія солнца темно, хоть глазъ выколи. Рѣшено было, что головную часть поведетъ самъ начальникъ штаба. Возвратившись въ свой штабъ и отдавши всѣ нужныя распоряженія, я старался заснуть, но никакъ не могъ этого сдѣлать; мысли одна другой тревожнѣе такъ и перегоняли другъ друга. Удастся-ли попасть къ высотѣ №. А вдругъ непріятель изъ Гандзялина ударить въ тылъ нашимъ полкамъ, изъ Саншилипу во флангъ, и изъ окружаемаго нами пространства съ фронта (все это было вполнѣ возможно); врядъ-ли тогда намъ пришлось бы спокойно отступить къ нашимъ позиціямъ у Цзиньджоу, тѣмъ болѣе, что дорога изъ Гандзялина на Цзиньджоу оставлялась нами совершенно свободной. Всѣ эти мысли являлись не безъ вліянія того обстоятельства, что непріятель высадилъ у мыса Терминаль (почти у насъ на носу) войска съ 40-ка большихъ транспортовъ, если по баталіону съ cadaго, такъ вотъ уже 40 баталіоновъ противъ нашихъ 11—12. Въ 2 часа я всталъ; люди спали крѣпко и спокойно; придя на бивакъ, они съѣли по фунту мяса съ должнымъ количествомъ хлѣба; но чаю не пили, такъ какъ было приказано не разводить огня; изъ этого обстоятельства было ясно, что генераль Фокъ ожидалъ встрѣчи съ противникомъ. Къ 3-мъ часамъ баталіоны стали въ ружье, но, какъ водится, произошла проволочка, и начальникъ штаба прибылъ только въ 5 часовъ, и, наконецъ, мы выступили. Я былъ назначенъ начальникомъ отряда, который состоялъ изъ 2-хъ баталіоновъ 5-го полка и батареи подполковника Романовскаго. Идемъ благополучно; но вотъ бѣда, у начальника штаба лошадь имѣетъ хорошій шагъ, и колонна сильно отстаетъ отъ него; мѣстность крайне пересѣченная

и покрыта цѣлой сѣтью дорогъ, очень плохихъ, нужно сказать. Начальникъ штаба, идя по картѣ впередъ, забывалъ ставить на перекресткахъ верховыхъ, и потому колонна, подходя къ перекрестку, останавливалась, не зная, по какой дорогѣ слѣдовать. На эти остановки уходило много времени; но все-таки мы двигаемся правильно. Съ начала движенія прошло уже два часа (я не говорю о порядкѣ движенія, потому что онъ былъ обыкновенный: передовой отрядъ, авангардъ съ дозорами и конными охотниками).

Съ сѣвера и сѣверо-запада насъ заслоняли наши охотники, которые, часто показываясь на горизонтѣ, заставляли дѣлать предположенія—ужъ не непріятельскіе ли то разѣзды. Такъ прошло уже часа два съ начала движенія, и мы спустились въ широкую долину, какъ ко мнѣ подъѣхалъ командиръ нашего 2-го баталіона подполковникъ Бѣлосоръ и обратилъ мое вниманіе на странныя дѣйствія артилеріи отряда; она шла не за нами, а неслась на высоту, лежащую по лѣвую руку нашего движенія; позади ея, еле поспѣвая, шла цѣпь стрѣлковъ изъ хвоста нашей колонны, а за цѣпью сомкнутыя роты, почти бѣгущія за цѣпью; ничего не понимая, я поскакалъ къ батарее; посреди двигающихся войскъ я замѣтилъ генерала Фока безъ штаба; не успѣлъ я подъѣхать къ генералу, какъ онъ мнѣ закричалъ: «Что это у васъ за ротный командиръ, посмотрите, онъ пустилъ батарею впередъ; онъ ничего не понимаетъ; вѣдь это бѣда съ такими офицерами». Мнѣ пришлось отвѣтить, что я сейчасъ подгоню роту, но позвольте узнать, что тутъ случилось; батарея изъ моего отряда куда-то идетъ, а я этого не знаю. «Вотъ настоящая ея позиція», возразилъ мнѣ генералъ, указывая на высоту, куда направлялась артилерія». «Такъ мы тутъ останавливаемся».— «Нѣтъ», отвѣтилъ генералъ Фокъ, «мы подъ покровительствомъ этой батареи идемъ дальше». И я увидѣлъ, что далеко впереди батареи наступали наши густыя цѣпи, видимо кого то атакуя. Полкъ, наступавшій влѣво отъ моей колонны, выслалъ цѣпи флангомъ въ сторону нашего наступленія, и до меня достигла вѣсть, что онъ замѣтилъ въ лощинѣ, на нашемъ лѣвомъ флангѣ, непріятельскую колонну; оказалось, что это была рота того полка, который наступалъ на Саншилипу съ юга или занималъ позицію, закрывающую Цзиньджоу со стороны Саншилипу. «Составьте резервъ наступающимъ и одной ротой займете ту высоту, къ которой подходитъ голова вашей колонны», отдалъ мнѣ приказаніе генералъ Фокъ. Я поскакалъ исполнять приказаніе. Наступленіе это продолжалось съ часъ времени; мы занимали нѣ-

сколько стрѣлковыхъ позицій послѣдовательно, при чемъ оказалось, что наши люди плохо примѣняются къ мѣстности, но усиленно стараются не терять между собой связи; при непосредственномъ руководствѣ офицеровъ все выходило сносно, но что будетъ, когда ихъ не станетъ; не привыкъ нашъ солдатъ дѣйствовать самостоятельно, а длинныя цѣпи не позволяютъ офицерамъ управлять ими непосредственно своимъ голосомъ и примѣромъ. Хорошо, что намъ приходится обороняться, а не наступать.

Думая такимъ образомъ, я услыхалъ отбой, повторенный и нашими сигналами; люди легли на своихъ мѣстахъ, а начальники поѣхали къ генералу, который вызывалъ ихъ сигналомъ. Непрiателя не оказалось; онъ былъ у Гандзялина и, можетъ быть, сѣвернѣе Саншилипу. Маневръ генераломъ былъ разобранъ очень подробно. Вотъ точная картина этого маневра, какъ она представлялась командиру полка; для меня она памятна тѣмъ, что маневрировали мы подъ самымъ носомъ у непрiателя, котораго съ презрѣніемъ оставили у себя въ тылу. Отдохнувши нѣсколько минутъ на мѣстѣ остановки, мы съ пѣснями вернулись на позицію.

Послѣ маневра мы получили приказъ, который поразилъ меня правильностью взгляда генерала Фока на организацію управленія боемъ; картина этого управленія была ясна и удивительно отвѣчала дѣйствительному положенію вещей. Вотъ особенно характерныя и правильныя положенія, выраженныя въ этомъ приказѣ: «Упаси Боже насъ отъ такихъ начальниковъ, которые въ бою ждутъ приказаній; въ бою ихъ никто не отдастъ, это каждому нужно зарубить на носу»... или вотъ: «прошу ротныхъ и баталiонныхъ командировъ при первомъ выстрѣлѣ поднять голову, открыть глаза и заткнуть уши. Повѣрьте мнѣ, что уши въ бою почти бесполезны, глаза—все. Къ сожалѣнію у насъ думаютъ иначе. Самый почтенный, даже 22-лѣтней службы капитанъ, при первомъ же маневренномъ движеніи начинаетъ играть ушами, какъ заяцъ, чтобы услышать что-либо отъ начальства; но оно нѣмо, ибо само занято тѣмъ-же». Эти золотыя слова едва-ли не достойны того, чтобы быть помѣщенными во всякій учебникъ тактики и во всякое наставленіе для управленія боемъ.

Тотчасъ послѣ возвращенія, наши охотники привезли извѣстіе, что непрiатель съ незначительными силами находится вблизи станціи Саншилипу и главной массой на берегу бухты, нѣсколько южнѣе Гандзялина; это было около 28 апрѣля, и съ этого времени у насъ происходятъ ежедневныя стычки нашихъ охотниковъ съ непрiателемъ. Генералъ Фокъ остался вѣренъ своему намѣренію

встрѣтить непріятеля впереди Цзиньджоусской позиціи; численность непріятельскихъ войскъ была намъ извѣстна только приблизительно. Поэтому онъ рѣшилъ произвести усиленную рекогносцировку, для чего выдвинулъ свои силы къ деревнямъ Чифантанъ и Шаселитеза и преградилъ такимъ образомъ путь наступленія непріятеля со стороны Саншилипу и Гандзялина. Для этого назначались полки 4-й стрѣлковой дивизіи, кромѣ 15-го и въ авангардѣ 8 нашихъ ротъ; 3-я и 4-я къ Шаселитезѣ, а 6-я съ 8-й и 3-й охотничьей командой къ Чифантану; 3-й же нашъ баталіонъ долженъ былъ стать въ промежуткѣ между двумя этими отрядами. Намѣченные позиціи нами были хорошо изучены раньше. Роты двинулись и заняли указанные имъ мѣста. 2-го мая ночью и рано утромъ 3-го двинулись и остальные части съ артилеріей; двѣ батареи стали у желѣзнодорожного моста на дорогѣ въ Бидзево и одна (Романовскаго) съ организованной въ полку полубатареей подъ командой подпоручика Садыкова къ высотамъ дер. Шаселитеза. Эта послѣдняя полубатарея ѣздила на волахъ и не отставала отъ лошадей. Послѣ того, какъ наши баталіоны заняли свои позиціи, генераль Фокъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы нашъ 3-й баталіонъ подъ командой полковника Дунина вернулся на позицію. Чтобы не дать возможности непріятелю зайти въ тылъ нашимъ войскамъ, черезъ проходъ между берегомъ бухты Керъ и горою Самсонъ, мнѣ приказано было выдвинуть 7 роту и охотничью команду съ нашимъ взводомъ (двѣ пушки) поручика Наумова, на высоты старыхъ китайскихъ укрѣпленій и $1\frac{1}{2}$ роты 9-й роты поставить въ резервъ за 7-й, а самъ я съ тремя ротами былъ оставленъ на позиціи.

На разсвѣтъ 3-го мая я вышелъ на № 13 и имѣлъ возможность наблюдать за боемъ и движеніемъ нашихъ войскъ. Наши роты и артилерія лѣваго фланга были уже на позиціяхъ; остальные полки двигались у юго западной подошвы Самсона, и голова колонны завернула уже Самсонъ, когда послышалась усиленная ружейная перестрѣлка и заговорила лѣвофланговая батарея подполковника Романовскаго и наша бычья. Минуть черезъ 5 стрѣльба этихъ батарей стала ожесточенной, и густой дымъ совершенно скрылъ ихъ отъ моего наблюденія (этотъ дымъ былъ отъ лопавшихся японскихъ гранатъ). Черезъ полчаса, когда хвостъ колонны главныхъ силъ ушелъ за Самсонъ, начали стрѣлять батареи праваго фланга; съ часъ времени продолжалась канонада на обоихъ флангахъ; мы зорко слѣдили за ходомъ боя. Я сильно опасался за обходъ съ тыла, но

Батарея на быкахъ, организованная въ 5-мъ Восточно-Сибирскомъ стр. полку,

7-я рота молчала, и командиръ доносилъ, что у нихъ незамѣтно никакого движенія непріятеля. Огонь на лѣвомъ флангѣ сталъ ослабѣвать, и оттуда потянулись экипажи и линейки. Полчаса спустя, я замѣтилъ по дорогѣ изъ Шаселитезы нашу батарею подполковника Романовскаго, а за нею и нашу бычью; онѣ шагомъ двигались къ намъ на позицію. Пріѣхалъ нашъ охотникъ съ лѣваго фланга и сказалъ, что наши отступаютъ, но японской пѣхоты онъ не видалъ; только видѣлъ, что нашу батарею японцы засыпали снарядами; она замолчала и съѣхала за гору. Одновременно съ движеніемъ лѣвофланговыхъ батарей я увидѣлъ, что резервы заняли перевалъ на отрогѣ горы Самсомъ фронтомъ къ д. Шаселитеза; густыя цѣпи лежали спокойно на гребнѣ этого перевала, пропуская артилерію, а затѣмъ и стрѣлковъ нашего лѣваго фланга. Я по этому заключилъ, что непріятель напираетъ на нашу правый флангъ и что генералъ Фокъ думаетъ, что намъ не удержать позицію, поэтому и убираетъ свой лѣвый флангъ, оставленный японцами въ покоѣ. Еще черезъ часъ изъ-за Самсона показались наши отступающія части, и артилерія у желѣзнодорожнаго моста открыла страшный огонь. Ружейная и артилерійская стрѣльба за Самсономъ продолжалась, то ослабѣвая, то опять усиливаясь; наконецъ цѣпи резерва, пропустивши лѣвый флангъ, спокойно собрались и стали отходить на нашу позицію; я ждалъ появленія преслѣдующихъ японцевъ, но они не показывались. Наконецъ снялись съ позиціи и батареи правого фланга, а за ними пошли и наши роты, а японцы все не показывались. Теперь мнѣ представилась картина удивительнаго отступленія изъ боя: части шли въ колоннахъ, какъ съ маневровъ. Лѣвый флангъ уже втягивался на нашу позицію; пріѣхалъ раненый въ руку генералъ Надѣинъ, за нимъ подполковникъ Романовскій, раненый въ ногу. Пошли разспросы и предположенія. Выяснилось, что подпоручикъ Садыковъ, командовавшій нашей бычьей батареей, самъ вызвался помогать подполковнику Романовскому и до конца боя командовалъ его полубатареей.

Ж. Претяковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

